

5555.
БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

ДЛБРАЦЪ.

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

И. н. в. ср. 5555

25. Cest. 844. y Iacty...
rio J. Joannab G...
M... G...; kon ce ...
D...
K... oba y 2. Ek...
F... M. C. ...

Fuzim ...
Aljazim

923132

Р. 3132
272 10 22

Р. Ср 11694.1

ДАБРАЦЪ.

ПРЕПОВѢСТЬ ИЗЪ СТАРИНЕ СРЕМСКЕ.

5555

БИБЛИОТЕКА
МАТИЦЕ СРПСКЕ

иписана одъ
ЮВАНА СУББОТИЋА.

Wie ganz anders, anders war es da!

v. Schiller.

У БУДИМУ,

Писмени кр. Свеучилишта Пештанскогъ

СН. 1330 1844.

J. J. J. J. J.

ОБЩЕСТВО СЪЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

С

С С С С С

МАТИЦЕ СРПСКЕ
БЕЛГРАД

УСТАВА

УСТАВА

Устав Српске Матице

1844

свом' брату и пріятелю

ВАСИЛІЮ СУВБОТИЋУ,
военом' Архі-Ерцега Леополда пѣшачког'
Полка чис. 53.
ДУШЕПОПЕЧИТЕЛЮ

съ усердіємъ посвеќує

Списатель.

Прими пѣсму брата, пріятелю!
Собомъ малу, милошѣомъ велику;
Братъ іе дае брату роѣноме,
И пріятель пріятелю своме!
Пѣсму задрж' али поздравъ врати,
Любавъ прими па любавлю плати!

Лѣпо ти є было погледати
 Край Дунава воде поносите
 Обло брдо лозомъ засаѣено,
 Украшено китнястымъ воѣкама,
 Сочномъ трешиномъ и руменомъ вишиномъ, 5
 И шльивама росомъ умотанымъ
 Као плаво копреномъ оканце.
 На све сунце покою хитеѣе
 Ярке свое разсуло є зраке,
 У коима лака сїя туга, 10
 Лака туга и меко чезненѣ.
 Цѣо предѣлъ дражешѣу превученѣ:
 Само да є два видитъ створеня
 У младости и блаженства цвѣту,
 Па предъ окомъ рай се отворио. — 15
 Предъ куѣицомъ лѣпо обѣлѣномъ

Прострто е воѣе ладовито,
 А подь ономъ гранатомъ ябукомъ,
 На коіой се плодъ руменый смѣши,
 Седи момакъ са лѣпомъ дѣвойкомъ. 20
 Ко ій гледи, рекао бы тврдо,
 Да ту седи братацъ са сестрицомъ,
 Тако су имъ образи еднаки.
 Што е лѣпо обоємъ е едно;
 Што различно, то мужа подиже, 25
 Ил' дѣвойци, што е желит', дае.
 Ако нису братацъ и сестрица,
 Свакъ бы нѣима изъ срца желію,
 Да ій брачный састави благословъ,
 И да люди оно нераздѣле, 30
 Што е наравъ за саюзъ створила.
 Момакъ носи господско одѣло,
 Жуте чизме, зелену доламу,
 И чакшире златомъ извезене;
 По рамени смеѣа коса пала, 35
 Па се лако по нѣима таласа;
 Руйне устне црнь му бркъ покрію,
 А образе румене ружице;
 На страни му сабля одпасана
 У корица лѣпо искиѣены 40
 Све бисеромъ и драгимъ каменомъ. —
 А дѣвойче ко ќе описати!
 Ко л' ќе моѣи рѣчи разумети,
 Кои ніе видіо анѣела,

Са нѣговымъ челомъ и очима, 45
 Изъ кои се зракъ небесный свѣтли,
 Зракъ небесный, небесна чистота,
 И за свако лѣпо осеканѣ
 Безгранична сила и дубльина.
 Шта е лѣпо руже руменило 50
 Спрама жара на нѣнымъ устнама,
 И цвѣтова на нѣнымъ образъма?
 Гди е она бѣломъ крину дражестъ,
 Коя око къ нѣномъ вуче врату?
 А шта ѣмо съ грудма іой споредитъ, 55
 Ков брижно оку сакривене
 Само слутитъ свой рай допуштаю?
 Витко тѣло увила одеѣа,
 Какву носе на селу дѣвойке:
 Алъ унуку размазила майка, 60
 Те неноси сукню клечаницу,
 Веѣ одъ црне справлѣну кадифе.
 Са сукньомъ се прслукъ саставіо,
 Свиленъ прслукъ лица вишньинога,
 Па с' уціо око нѣжногъ тѣла, 65
 И рамена стегао дѣвоячка,
 И бѣломъ се грлу прилюбіо,
 Рекао бы, съ нѣима се родіо.
 Бѣле руке скриваю рукави
 Одъ кошулѣ танко определене, 70
 По нѣима су извезене грање,
 Сапонци су одъ злата сплетени.

Брижна нега и рука майкина
 Ситно косу свилену оплела
 Одъ петоро и одъ деветоро, 75
 Па сребрнымъ пребола иглама,
 На темену круну начинила,
 А на челу лѣпо узгладила,
 И за увомъ зулове увила,
 Са којима играю с' вѣтрићи, 80
 А момци имъ люто завидили. —
 Момакъ рукомъ опасао дѣвойку,
 Па іой гледи у то око красно,
 Одъ блаженства говорит' немогао:
 А она се любезно осмѣва, 85
 У осмѣйку чувство се таласа,
 Кое чисте подиже іой груди.
 Дуго момакъ дѣвойку гледао,
 Докъ овако нѣойзи нарекао:
 „Савко моя, ты си сасма лѣпа, 90
 Моя любовъ сасма є велика,
 Све се боимъ, да те неизгубимъ,
 А срце ми мысао сама цѣпа.
 Нећу теби претайти, мила,
 Наша любовъ прилична є ружи: 95
 Око руже оштро стои триѣ,
 Наша любовъ међъ мачеви дыше,
 Међъ мачеви и лютомъ тамницомъ,
 И што друго све имаю люди,
 Коима є сва сила у руци, 100

Да разставе одъ милога драго,
 Ал' ти с' ево свимъ кунемъ на свѣту,
 Што є свето и мени и теби,
 Да те никадъ оставити неѣу,
 Ма те морао съ гробомъ замѣнути. 105
 Кажи мени, реци мени, драга,
 Є ли твоя моіой равна любовь? "
 Нѣга гледи анѣлско дѣвойче,
 Погледъ каже, што рѣчь и неможе.
 Гледала га па проговорила 110
 Умилиимъ одъ утѣхе гласомъ,
 Коя у сну болно срце лечи:
 „Што ме питашь, сладкій Владиславе,
 Што ме питашь, што и тако знадешъ,
 Што си чуо по хиляду пута. 115
 Я те любимъ, казат' незнамъ како,
 Рѣчь повольну срцу неналазимъ,
 Да ти кажемъ, шта у нѣму живи.“
 Рѣчи рекла, па руке склопила
 Око врата люблѣна юнака. 120
 Тако с' свія бршлянъ око раста,
 Прилюблює матери одойче!
 Опетъ момакъ говори дѣвойки:
 „Хиляду си казала ми пута,
 Кажи мени іоштъ хиляду пута; 125
 Слушат' никда досадит' ми с' неѣе.
 Тако мени те су рѣчи сладке,
 Као души рѣчи спасенія.

Садъ ми кажи, лѣпа моя душо,
 Кадъ бы мене съ тобомъ разставили, 130
 Или тебе одъ мене одтргли,
 Бы ли могла ты умерети, душо? “. . .
 Руке спусти на крило дѣвойка,
 Па на момка быстре очи дигне.
 На лицу іой покой се развіо, 135
 У оку іой миръ се заблистао:
 Чує рѣчи, ал' ій неразумє.
 Срце чистомъ испунѣно любовомъ,
 За никакву незнаде спасность;
 За ню другій часъ и нема быѣа, 140
 И кадъ има, одъ оногъ добыа,
 Кои садъ іой прси пуни слашѣу.
 Гледи момка дражестна дѣвойка,
 Росне устне любкій смѣхъ развуче,
 Бысернымъ му проговори гласомъ: 145
 „Я ти право, Владиславе, кажемъ,
 Да я твое неразумемъ рѣчи;
 Ово само казати ти могу,
 Ни помислит' да я то неумемъ,
 Да безъ тебе я живити могу.“ . . . 150
 Юнакъ свою загрли дѣвойку
 Па овако ньойзи проговори:
 „Остай, мила, у той лѣпой мысли;
 Ал' се сети, ако кадъ узморашъ,
 Да часъ онай, кои насъ раздвои, 155
 Са животомъ мене раздвоява.“ . . .

То рекао, па се приљубили
 Єдно другом', као два голубка:
 Све се гледе, нагледат' с' немогу;
 Све се любе, наљубит' с' немогу. 160

Они мисле, нико їй невиди:
 Видило їй око издаице,
 Кои хити, да їй упропасти.
 Єръ текъ што є младе угледао,
 И нѣове рѣчи саслушао, 165

Брже сѣо на коня малена,
 И Дабрацу полетио граду,
 Глави цѣлогъ Срема китнястога,
 Гди Краль Сремскїй свое држи дворе.
 Кадъ є дошао, предъ Краля отишао, 170

И нѣму є 'вако говорио:
 „Свѣтла круно, огрејно сунце!
 Данасъ ме є среќа послужила,
 Видіо самъ кнеза Владислава,
 И видіо нѣгову дѣвойку. 175

Дѣвойка є лѣпота на свѣту,
 Ал' є рода одъ свега простога,
 Ни за твога прилична свиняра,
 А камо ли за будућег' Краля.
 Кнезъ Владиславъ дѣвойки говори, 180
 Да га ника разставити неће
 Одъ нѣ сила на овоме свѣту,
 И да ће се са животомъ разстат',
 Ако са нѣомъ разстати се мора.“

Краль све чує, ал' као да нечує, 185
 Тако га є ярость обузела,
 Докъ овако нерекао рѣчи
 Гласомъ слабымъ, силне борбе знакомъ:
 „Свакъ Неманьичь мора пре умрети,
 Него свою лозу осквернити: 190
 Ал' и она некъ зна Драгутина,
 Коя мысли уловит' му сына.
 Ты ѣшь ноѣсь безъ найманѣг' гласка
 Изпразнити славуєво гнѣздо,
 И донети, све што тамо наѣшь, 195
 Амо къ мени, да ій я научимъ
 Ону пѣсму, коя царскогъ сына
 У вигове може примамити,
 Примамити, ал' и одржати.“
 Опетъ Кралю слуга проговара: 200
 „Свѣтла круно, ту ій много нема;
 Край дѣвойке само єдна живи
 Стара жена, мати или баба.“
 „Двоє, троє, ил' колико было,
 Све ты скупи, па донеси амо, 205
 Ал' да нико о том' и несаня.“
 То краль рекне, па на полѣ поѣ,
 А слуга се до землѣ поклони.
 Кодъ врата се опетъ краль окрене,
 Па овако проговори слуги: 210
 „Кнезу кажи, я му заповѣдамъ,
 Да се сутра изъ двора немакне.“ —

Кадь є сутра зора заплавила,
 Дѣвойку є у двору застала,
 Затворену съ нѣномъ старомъ майкомъ. 215
 А кадь сунце землю огреяло,
 Краль дозыва сына Владислава,
 Мрко отаць на сына погледа,
 Па овако нѣму проговара:
 „Одъ кога си, кнеже, научю,
 Любавь водитъ съ простымъ дѣвойкама? 220
 Мое мысли теби су познате,
 Да я недамъ мое подданике
 Ни за єдну оштетити аспру,
 Ни єдно имъ убити марвинче, 225
 А камо л' имъ образъ погазити,
 На зло дѣцу наводитъ незлобну.“
 Да є коме видитъ было сына,
 Како кровь му образе остави,
 И ледъ срца цѣло стресе тѣло. 230
 Ћути отаць, а сынъ са нѣмъ ѣути,
 Ужась, слутня, єзыкъ му свезали. —
 Опеть отаць строгимъ рекне гласомъ:
 „Одговарай, кадь те краль твой пита!
 Како си се смѣо усудити, 235
 Ма последиѣгъ подданика мога
 Прагъ окалятъ, преваритъ му дѣте,
 И главу му срамотомъ покрити?
 Ил' ты мыслишь, да изъ златногъ суда
 Немогу насъ окалятъ поміє; 240

Да кралѣвог' добра воля сына
 Честь доноси кѣри селянина?“. . .
 Ове рѣчи крвь образу врате,
 И немило гласъ поврати чувство,
 Па овако сынъ отцу говори: 245
 „Немой, отче, те говорит' рѣчи;
 Немой вреѣат' ни самымъ помысломъ
 Ту чистоту, какве земля нема.
 Есть истина, што су ти донели,
 Да я любимъ селянку дѣвойку, 250
 И свакій бы, изванъ отца мога,
 Такве рѣчи платію животомъ.
 Анѣо ніе на небу чистіи,
 Негъ та проста са села дѣвойка;
 Я ню любимъ, и любит' іе мыслимъ, 255
 Съ благословомъ твоимъ и Божиимъ,
 Као мою любу вѣреницу, —
 Или леѣи у црну земљицу.
 Сваку рѣчцу, отче мой и краљу!
 Кою овдѣ садъ самъ изрекао, 260
 Съ крвлю срца готовъ самъ потврдит'.“
 Чело отца веѣма с' наоблачи,
 А изъ ока варница му сѣвну:
 „Па ты немашъ стида ни срамоте,
 Твоме отцу, крви Неманьиной, 265
 Ту нечисту изговорит' мысао,
 Коя мртве у сандуци стреса,
 И кралѣвма неда у гробу мира! —

Ты бы могао свету крвь Неманѣ
 Осквернити са гнойштиномъ робскомъ! 270
 Ты бы престоль светог' Симеуна
 Са робкиномъ оляжит' могао! —
 Ниси, ниси ты унукъ Неманьинь,
 Веѣъ копиле како утиснуто,
 Као яе птице кукавице.“ . . . 275
 Краль уѣути, а сынъ проговори:
 „Да чистота и невиность срца
 Крвь Неманѣ у жиле улива,
 То бы она до Неманѣ была;
 А да круне на главу уноси 280
 Прва душе и тѣла лѣпота,
 Све бы, кое сръбскій носи престоль:
 Ню краљице предъ себе пустиле“ —
 „Доста, доста“, садъ отаць повиче,
 „Какво дѣло, такве су ти мысли. 285
 А садъ слушай, шта ѣу т' я да кажемъ:
 Ты ню никадъ загрлити неѣешь,
 Као любу, ни као краљицу!
 На рѣчь мою ослонит' се можешъ.“ . . .
 Сынъ предъ отца на колена клекне: 290
 „Немой, отче, убіяти сына!
 Я самъ страшну изрекао заклетву,
 Уби-ѣу се, ако насъ раздѣлишь.“ . . .
 А леденѣмъ отаць рекне гласомъ:
 „Уби себе, манѣ в греоте, 295
 Негъ да светость крви Неманьине,

И красоту сръбскога престола
 Ты убієшь, слѣпый робъ похоте!“
 Сынъ съ колена отцу проговара:
 „Немой, отче, смртный судъ изрицат’, 300
 Докъ невидишь, кога осуѣуєшь.
 За животъ є одговарат’ тежко;
 А ты млада два живота давишь.
 Види, отче, пре негъ што пресудишь,
 Види само то анѣлско лице, 305
 И лѣпоту ту види небесну,
 Па ѣшь твога помиловат’ сына,
 Дати светой нову светость крви,
 И престолу нову свѣтлость сѣйном’.“
 Тамно отаць сыну одговара: 310
 „Што є лѣпша, съ тымъ є опасія.
 Смртной боли хитрогъ треба лека.
 Ал’ да видишь, да я правду любимъ,
 Да несудимъ, докъ се неувѣримъ,
 Таки ѣе намъ друга доѣи страна.“ 315
 То краль рекне, па знакъ слуги даде,
 Кои майку съ унукомъ уведе.
 Кадъ Владиславъ Савку опазіо,
 Скочіо є на ноге юначке,
 Па дѣвойки хитро притрчао, 320
 Съ ньомъ предъ свога отца изищао,
 И овако нѣму говоріо:
 „Гледай, отче, ово чело красно.
 Ове очи и ове образе,

Ова уста, ово цѣло лице, 325
 Гледай, отче, ово красно тѣло,
 Ніе л' вредно, да га заогрне
 Скупый скерлетъ, што носе краљице?
 Ніе л' вредна та анѣлска глава,
 Да понесе круну одъ бисера? — 330
 Отаць сына ни погледат' неће,
 Веѣъ говори лѣпой Владисави,
 Коіой стидъ е све обліо лице,
 Па се сія као зора руйна:
 „Ты си она изъ рита птичица, 335
 Коя мамишь кралѣвога сына,
 И изъ блата на престолъ погледашъ?
 Я ѣу теби желю испунити:
 Одъ краля ѣшъ ты имати мужа,
 Ал' не сына, него говедара! 340
 Теби и то мож' се реѣи среѣа,
 Да немогла никадъ быти веѣа.
 Младоженя чека съ свештеникомъ,
 Айд' у цркву: водите іе момци!“ —
 Громъ ужасный изъ неба ведрога 345
 Небы тако поразит' могао,
 Као ове грозне краля рѣчи,
 Владислава и майку съ унукомъ.
 Ужась смртный гласка имъ недаде,
 Веѣъ стояше као скаменѣни. 350
 Ал' кадъ слуге по дѣвойку поѣу,
 Новъ стра старый ужась преоблада,

Те предъ слуге Владиславъ изскочи,
 Предъ дѣвойку съ голымъ мачемъ стане,
 И яростнымъ повиче имъ гласомъ: 355
 „Натрагъ! бѣсногъ вы ртови ловца,
 Ко приступи, нема више главе!“ . . .
 Уплашени уклоне се момци:
 Краль Драгутинъ самъ приступи сыну,
 И овако мирнымъ рекне гласомъ: 360
 „Я ъу самъ іой дакле деверъ быти.“ . . .
 А сынъ отцу горко проговара:
 „Ты с’ обрана твой подданика,
 Ты ій недашь съ аспромъ оштетити,
 Нит’ имъ єдно убити марвинче, 365
 А самъ єдне гадне ъуди ради
 Хоѣшь ово безсилно дѣвойче
 Да убієшь за цѣла живота,
 И да стерашъ ону седу главу
 У гробъ црный пре суѣна данка!“ . . . 370
 Краль му оштримъ одговара гласомъ:
 „Я обрана, я самъ и судія,
 Одъ зла бранимъ, за зло каштигуємъ.
 Ты у отцу незаборав’ краля. —
 Айд’ на страну, балаво дериште!“ . . . 375
 Владиславу смркне с’ предъ очима,
 Па промуца загушенымъ гласомъ:
 „Я невидимъ ни отца ни краля
 Веѣ безбожногъ само силеджію.“ . . .
 То изрекне, па мачемъ замахне, 380

И на краля помамно се баци,
 Самымъ дишуѣ' бѣсомъ и убиствомъ.
 Првом' краля се измакао ударцу,
 А до другог' сынъ доћи немогао,
 Срѣ га слуге спопадне са леѣа, 385
 И оружѣ отму смртоносно.
 Кадъ Владиславъ види, да е свладанъ,
 Савъ му животъ до несвѣсти клоне,
 Руке висе, глава се спустила,
 Очи гледе, ал' су укочене. 390
 Краля узъ све то непромѣн'о лица,
 Само веѣма обрве набрао,
 Па съ погледомъ ладно-презыруѣимъ,
 Съ гласомъ, у ком' поруга се явля,
 Полумртвом' ово рекне сыну: 395
 „Я те жалимъ, ал' не као сына,
 Срѣ изметакъ я жалит' немогу,
 Веѣ те жалимъ, съ твоѣ луде главе,
 Съ коѣ крайну садъ губишь утѣху.
 Ты си твою мислю любви 400
 Самогъ себе на жертву заклати:
 У том' дѣлу юштъ бы нѣшто было,
 Што с' допада срцу човеческом',
 Много бы те око оплакало;
 А садъ морашъ пасти подъ закономъ, 405
 Са срамотомъ свог' краля убийце,
 И убийце свог' отца роѣног',
 Кога люди куну а нежале.

Водите га, момци, у тамницу,
 Подъ оштру га вы узмите стражу; 410
 Ты, Своило, сазови кнезове,
 Некъ се скупе и заклетву даду,
 Па некъ суде по закону старомъ,
 Као сыну и као подданику.“
 Кадъ изнесе слуге Владислава, 415
 Краль се одма другима окрене:
 „А вы ову водите у цркву!
 Некъ се сврши, што се свршит' има.“
 Кадъ се слуге дѣвойки приближе,
 Цикне майка као люта гуя: 420
 „Не кровь свету лозе Неманьине,
 И унуку твог' роѣног' отца
 Не са робскимъ вѣнчат' говедаромъ!“
 Гласъ ужаса и самртног' страха,
 Гласъ последний смрти и живота, 425
 Као стрѣла огнѣмъ усіяна
 Крозь срце се кралѣво провуче.
 Онъ се старой садъ окрене майки,
 И свако нѣойзи проговори:
 „Шта ты рече? — говори яснѣ; 430
 Али немой вараг' се надеждомъ,
 Да ће рѣчи и лагала празна
 Одвратити судьбу одреѣну.“
 Юштъ у страу и муки самртной
 Кралю стара Владисаве майка, 435
 Єдва ове изговори рѣчи:

„Кажи, кралю, да чекаю слуге,
 Да сирото недираю дѣте,
 А ты мене кудъ води на само,
 Важну имамъ я ти казатъ тайну.“ 440
 Краль слугама чекатъ заповѣди,
 А онъ оде у найближу собу.
 Кадъ се кралю самъ нашао са старомъ,
 Онъ овако нъойзи проговара:
 „Садъ говори, али неотежи,
 Важни мене чекаю послови!“ 445
 Она нѣму тихо проговара:
 „Знашь ли, кралю, срце материно,
 Кадъ га ужасъ за люблѣно дѣте
 Самртнима раздере стрѣлама — 450
 Претрпи се, докле къ себи доѣмъ.“
 То говори, а цѣла се тресе,
 Рекао бы, садъ ѣе къ земљи пасти.
 У кралю се срце разжалило,
 Па је води до меке столице, 455
 Нью посади, па покрай нѣ стане.
 Кадъ се стара мало повратила,
 Она рекне дрктаюѣимъ гласомъ:
 „Знано ти е, кралю Драгутине,
 Како съ твоимъ стрицемъ Владиславомъ, 460
 Докъ на србскомъ онъ седи престолу,
 Кнезь Владимиръ изъ кршна приморя
 Крвну разпру и ратове води.
 У истога Владимира кнеза,

Кѣи є была, млада Гоисава, 465
 Гласъ є быо, да є лѣпа была.
 Кнезь се Урошь позна съ Гоисавомъ,
 И любовь имъ срца саєдини.
 Онъ є често молю дѣвойку,
 Да найвеѣу желю му испуни, 470
 И да иде, да се вѣнча съ нѣиме.
 Ал' є она врло добро знала,
 Да бы драгогъ съ братомъ завадила,
 Па є нѣму увѣкъ говорила,
 Да немысли дотле на вѣнчанѣ, 475
 Докле на то брата неприволе,
 Свога брата, краля Владислава:
 Нїє дуго време постояло,
 Краль Владиславъ овай свѣтъ остави,
 И на престоль братъ му Урошь седне. 480
 Краль садъ своіой оде Гоисави,
 И са срцемъ радости прецунымъ,
 Ню замоли, да му даде руку,
 Да на престоль дигне іє кральичинъ.
 Гоисава любила є краля, 485
 Као друга ни єдна дѣвойка;
 Она види, да нѣном' Урошу
 Садъ кралѣвске надаю се кѣри,
 И царски га чекаю тастови:
 Зато смысли нѣга оставити, 490
 И гди сама са своіомъ любовлю
 Непозната свой провести животъ.

Ал' немогла съ нѣмъ се разставити,
 Докъ послѣднѣй іоштъ га путь невиди,
 И разстанка полюбаць неприми. 495
 Састану се у зеленой башти.
 Мѣсець пуный бледу свѣтлость дава,
 Као копрену за слабости людске;
 Лишѣ шушта, тайну къ устма мами;
 Ока нигди, гласка се нечуя, 500
 Дѣло, кое неѣе да се знаде,
 Издаице боят' се немаде;
 Чувство ноѣи срца приближуе,
 И укланя сумиѣ и прелоне;
 Полюбци су разстанка ватрени, 505
 А загрляй любеѣег' младиѣа,
 Кои сутра постат' мысли мужемъ,
 Чудну има силу и забуну —
 Сутра, краљу, Гоисаве нема,
 Нико незна, куда іе нестало. — 510
 Огаць тужи, а любезникъ тужи,
 Туга, жалость, натрагъ недоводи,
 Нит' доводе сузе Гоисаву;
 Данъ за даномъ и година проѣе,
 Гоисави ни трага, ни гласа. 515
 Време тугу краля ублажило,
 И онъ узме кральицу Елену.
 Онъ съ нѣомъ живи и дѣцу изроди,
 Гоисава никако с' неявля.
 Ова сама са своіомъ дойкиномъ, 520

У дальну се землю уклонила,
 Нико незна, гди се она бави,
 Само єданъ одъ браће нѣзине;
 Онъ іой купи єдно добро мало,
 Гди селянкомъ Гоисава живи, 525
 За селянку одъ свію држану.
 Ту проводи она свое дане
 Тѣшећи се своіомъ дѣвойчицомъ,
 Коіой лице Богъ дарова отца,
 Те матери драгогъ замѣнюе. — 530
 Кадъ є дѣте за удатбу было,
 Уякъ іой є добру нашао среѣу
 Башъ одъ свете лозе Неманьине,
 Кои живе у земљи Захумской.
 Она роди два неяка сына, 535
 И кѣерь єдну, свое подобіе,
 Па отиде Богу на истину.
 А дѣтенце майка къ себи узме,
 Ради неге и ради утѣхе. — —
 То є, кралю, моя Владисава, 540
 Кою данасъ мал' убіо ниси.“ —
 Гоисава овдѣ уѣутила,
 Брижно кралю у очи гледала,
 Кои свога непромѣну лица.
 Кадъ краль єдне неизрече рѣчи, 545
 Гоисава овако продужи:
 „Я самъ знала, да є Урошь среѣанъ,
 Са супругомъ, коіой равне нема,

И то моя утѣха є была.
 Єдна моя то є желя была, 550
 Да єданпутъ само види дѣте,
 Да га види, да га благослови:
 Али самъ се одъ тога бояла,
 Да му са тымъ среѣу ненарушимъ,
 Па желеѣ стегнула самъ срце. 555
 Я несмедо, а судба учини.
 После свога грозног' страданія
 На Гадскомє мѣсту несреѣномє,
 У Сремъ Божа доведе га воля.
 Онъ у мою малу куѣу доѣе, 560
 И заиште у мене конака.
 Боже милый! како ѣ мени было! —
 Кодъ мене се Єлица десила
 Са маленомъ своіомъ Владисавомъ,
 Єдна отцу, друга дѣди равна, 565
 Оне нѣга, онъ нѣи непоснає,
 А у мени живо с' срце тресе.
 То є вече весело провео,
 Првый путь се онда насмѣяо,
 Одъ кадъ га є постигла несреѣа. 570
 Кадъ у ютру да далѣ отиде,
 У наручѣ узме Владисаву;
 Суза му се у око подкраде,
 Суза слутнѣомъ натерана светомъ.
 Онъ у мало чело іе полюби 575
 И дркѣуѣомъ благослови рукомъ,

А она се на нѣга осмѣва. . .
 Я се далѣ уздржат' негого,
 У ѣутаню црныи грѣхъ опазимъ;
 Тайна моя толиког' времена 580
 Првыи путь ми преко устие преѣе:
 Да си, кралю, ту радость видю,
 Коя сѣдогъ садъ преліе старца,
 И невольню разгрѣе му срце:
 Незна, кое пріе да загрли, 585
 Или кѣрку у цвѣту живота,
 Као ону разкошну ружицу,
 Ил' унуку, малу и неяку,
 У анѣлском' виду и чистоти. . . .
 То му радость последня е была, 590
 Мало време за тымъ е премин'о. —
 Оие ноѣи, кадъ смо се разстали,
 Да с' толико невидимо време,
 Дао ми е златанъ прстенъ съ руке,
 А мой прстенъ себи е узео, 595
 Носіо га цѣлога живота,
 И дао га, као светый аманеть,
 Своіой кѣри — садъ е кодъ унуке —
 А нѣговогъ на мом' ево прсту,
 Ни самъ гробъ ме съ нымъ разставит' неѣ. . . 600
 Гоисава оцетъ уѣутила,
 И на краля брижно погледала,
 А онъ ѣути, рѣчи неговори,
 Нити черте на лицу промѣну,

Само веќе добы руменило. 605
 Гоисава овако настави:
 „Кнезъ Владиславъ къ намъ случаемъ дође,
 (Я самъ у томъ прстѣ судбине вид'ла)
 И дѣца се миловати стану.
 Онъ є мени, ко є, шта є, казао, 610
 Ал' я нѣму остадо селянка,
 Нит' є знала моя Владисава,
 Да свог' краля она любви сына.
 Любавъ њина чистъ є срца породъ,
 Безъ надежде, страха ил' користи, 615
 Чедо оног' сродства небеснога.
 Я самъ само іоштъ на то чекала,
 Да с' увѣримъ о истини чувства,
 Па да дођемъ, да све теби кажемъ,
 Увѣрена, да ќе т' мило быти, 620
 Да се судбомъ опетъ саєдини,
 Што є судбомъ тако раздѣлно.“ —
 Садъ уђути стара Гоисава,
 А краљ њойзи тихо проговори:
 „Добро срце и велику душу 625
 Я поштуемъ и кодъ врага мога:
 Прими, жено великога срца,
 Чисто твога поштованѣ краля.
 А садъ ствари свой некъ путь наставе.“
 То изрекне, на полѣ изиђе, 630
 И остави Гоисаву саму,
 Да се мысли, да се предомышля,

Како ће се ствари окончати. —
 Кадъ Драгутињ на полѣ изиђе,
 Онъ дозове слугу Иносаву, 635
 Тайне нѣму дае заповѣсти,
 Па съ кнезовма у собу отиде,
 Гди се животъ или смртъ изриче.
 Кадъ краљ сѣдне, судіе с' уреде,
 И пошалу по младогъ злочинца. 640
 Ясной кривди кратка е пресуда:
 Ко удари на отчину главу,
 Ил' мачъ тргне на вѣчаногъ краля,
 Скверну има изгубити руку,
 Мачу свою подложити главу, 645
 Тако хоће правда неумитна.
 Кнезь Владиславъ предъ судіе дође,
 И саслуша, шта говори законъ.
 Тежакъ прси дигне му уздисай.
 Съ животоми е опростит' се тежко; 650
 А іоштъ теже подъ срамотомъ грдномъ,
 И са грѣхомъ на срцу отровнымъ.
 Пишти срце, али уста ћуте,
 Око сузу у себе непушта;
 Горду мысао смртъ савит' немогла. — 655
 Краљ на слугу махне Иносаву,
 А Иносавъ сужномъ приђе кнезу,
 Да га води, одъ кудъ се невраћа.
 Сада главомъ срце преоблада,
 Грозне сузе образе прелію, 660

И кнезь викне, да с' судіє стресу:
 „Матерь, отаць, матерь іошть да видимъ,
 Іошть єданпуть матерь да загрлимъ;
 Ты то незнашь, шта ће то да каже,
 Последний путь видит' и загрлит'!“ . . . 665
 Отаць сыну ладно одговара:
 „Хоћешь майки срце да разцепишь,
 Као што си отцу хтѣо главу!
 Быт' неможе! — Чин'те, момци, дужность!“
 Бѣдногь кнеза садь одведу слуге 670
 У сусѣдну, у собу каштиге,
 Гди се тайне извршую казни,
 И спремаю високи злочинци,
 Коє покрит' дебелом' копреномъ
 Предь очима нужда иште людій. — 675
 Дуго време было постаяло,
 Судну собу претисла тишина,
 Каква влада у ладноме гробу.
 Садь се врата нагло отворише,
 И Владиславъ у собу улети, 680
 Єдномъ рукомъ свою води Савку,
 Другомъ држи стару Гоисаву.
 Како ушао, предь краля є клекао,
 И дркѣуѣимъ промуцао гласомъ:
 „Страшну, отче, смысліо с' каштигу, 685
 Мѣсто муке єднога тренутка,
 Цѣлог' морамъ мучит' се живота.
 И опеть ти захвалит' немогу,

Као што бы срце ми желило,
 Съ животомъ си много м', отче, дао, 690
 Зато самъ ти ружно захвалю:
 Са Савкомъ си іошть ми више дао,
 Проклетъ быо, ако кръвь и животь
 Я за тебе радо нежертвуемъ.
 Съ лица кралю строгости нестало, 695
 И развила с' съ тихомъ радость тугомъ,
 Па овако сыну одговара:
 „Своя правди сачувала с' светость:
 Судъ є изреченъ надъ кралѣвымъ сыномъ,
 Као што б' быо надъ робомъ последнимъ. 700
 Отаць прашта, што му сынъ сагрѣши,
 Єрь самъ има искат' опроштая;
 Краль свом' милость чини подданику,
 Єрь тымъ има заслугу наградит'. —
 Овдѣ браќо, и господо моя, 705
 Ово сынъ мой, ово сна є моя!
 Младенци су мало часъ вѣнчани. —
 А у оной жени тамо старой
 Почитуйте великъ духъ, и срце,
 Кома тежко наѣ се може пара. 710
 Прва любовь великог' Уроша,
 Жертва свое безмѣрне любви,
 Мати майке нѣгове унуке,
 Кою данасъ снаомъ ми видите,
 Престоль она кадра бы одбацит', 715
 И живити као проста селянка,

Разставлѣна одъ свог' родителя,
 Одъ люблѣног' свога пріятеля,
 Изложена ладном' презренію
 И поруги надутога ума — 720
 Само свѣтлость сръбскога престола
 Да сачува, ма срце свиснуло.
 Жельи светой, жельи найчистіой,
 Жельи дѣте отцу своме дати
 У наручя, да га благослови, 725
 Была й она одолѣти кадра,
 Само покой да люблѣног' краля,
 Ни за цѣну такве среѣе грдне,
 Какву дае чедо украшено
 Красотама и тѣла и душе, 730
 Ни на єданъ данакъ ненаруши.“
 Краль се сада кнегиньи окрене,
 И овако нѣойзи проговори:
 „Низко с' была, Богъ те узвышава,
 Бы-ѣшь мати вѣичаны кралѣва! 735
 Страдала си, Богъ те награђава,
 Унуку си красну дочекала,
 Дочека-ѣшь ситне праунуке!
 У тами си своєвольно была,
 Богъ просица свѣтску славу на те, 740
 У двору ѣшь твога быти краля,
 Као мати одъ нѣга призната! —
 Данъ є овай за мене преважанъ!
 На отца самъ руку подигао,

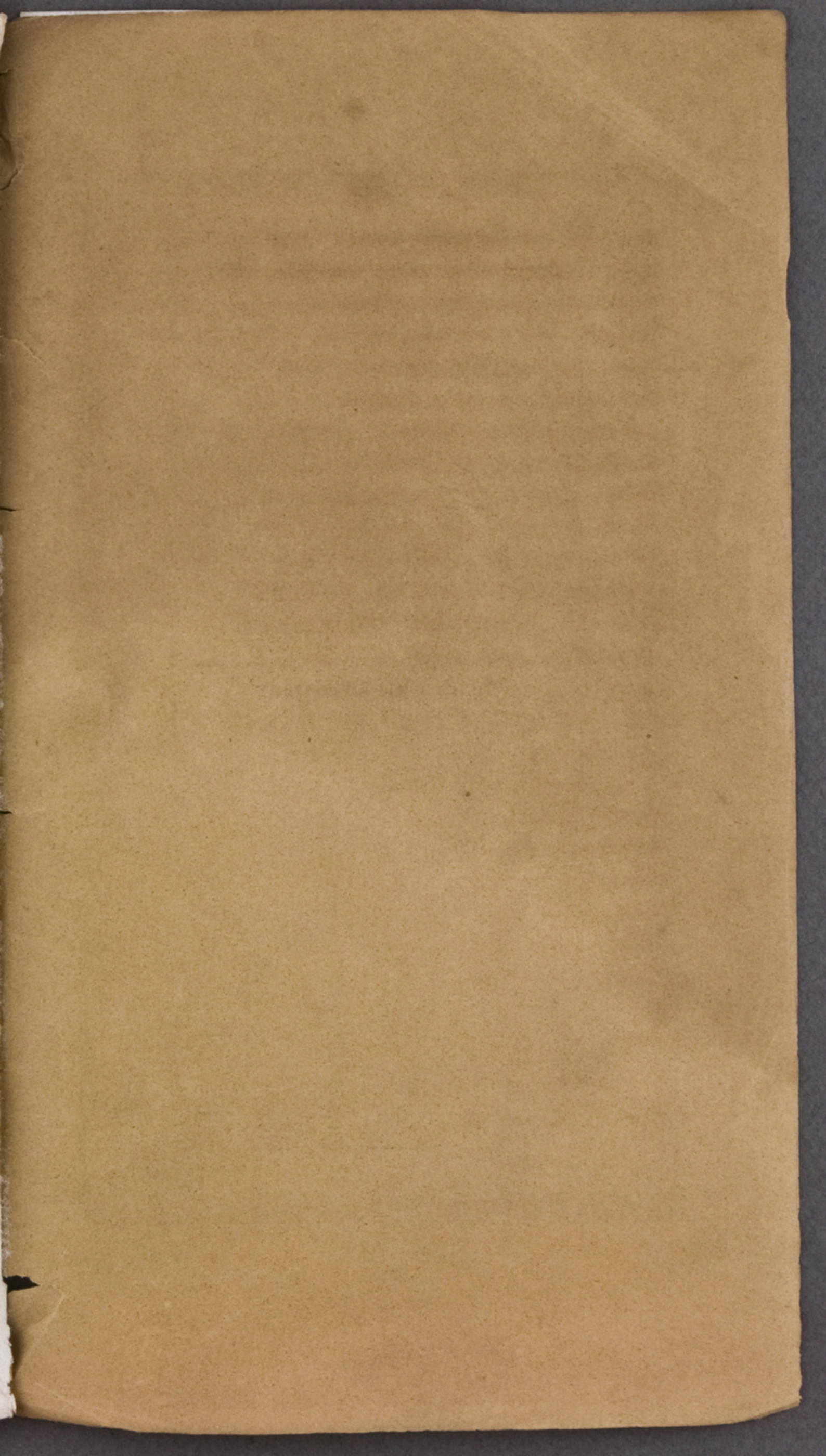
Данасъ ми се у сыну вратило ; 745
 Круну отцу съ главе самъ скинуо,
 Данасъ ту му унуки предаємъ.“ . . .
 Зракъ се ясанъ на лицу му каза,
 И осія болѣтицу душе.
 Онъ уздане изъ пуны прсію : 750
 „Ахъ, мой Боже ! данасъ заръ къ моѣи
 Мирно спават' у гробу трнявном' ;
 Данасъ вальда оштра неѣе врпца
 Тако палит' грѣшно мое тѣло!“ —
 То изрекне, на дѣци пристуши 755
 И за бѣле ухвати ій руке,
 Па овако весео проговори :
 „Мила дѣцо, садъ матери айд'те !
 Да загрли сына и снащицу !“

Краль Драгутинъ мирно предао душу,
 Великъ грѣшникъ, великій покайникъ,
 Цѣлог' свога на земљи живота
 Споля носек' свилу и кадифу
 Украшену златомъ и бисеромъ,
 А на тѣлу у млеку купаном'
 И у свакой неги негованом'
 Оштру, круту пртену кошулю ;
 Даню мѣреѣ' правду и кривицу ,

Санъ даюћи бѣдной удовици, 10
 Коіой сузе натера неправда,
 И съ ястука санъ поплаши мокрог',
 Нофу лежеѣ живъ у гробу грозном'
 Самымъ оштрымъ напуѣномъ триѣмъ,
 Несклапаюѣ очи одъ плаканя. 15
 На глави му круна блистаюѣа,
 А врпца га оштра опасуе,
 И све веѣма у месо с' упія,
 И као гуя даню нофу пече.
 Онъ за свакогъ помоѣи имаде, 20
 Ко годъ доѣ празанъ неодлази.
 Са истока изъ дальны земаля
 Хити нѣму бѣдна сиротиня,
 Онъ свимъ дае издашнимъ рукама,
 Сузе таре, миръ, среѣу повраѣа, 25
 А нофу се у куѣама явля,
 Изненада, као анѣео хранитель,
 Тражи бѣду и доноси лека,
 Наѣ бѣду а оставля среѣу:
 Нѣму нико миръ неможе дати, 30
 Сузе нѣму нико неутрео,
 Зубъ каяня затупит' с' немогао!
 Великъ грѣшникъ, великій покайникъ
 У дѣлама наѣ ѣе заступника. —
 И Владиславъ свѣтъ е оставіо, 35
 Найпре войномъ людску кровь проліо,
 Тражеѣ себи, што му дѣде было,

И што сгрицу отаць му предао :
 Гди є правда, гди ли є неправда,
 Вѣчно ће имъ казати мѣрило. — 40
 Гоисава санаць є уснула,
 Изъ ког' више пробудила с' ніє,
 До овога данашиѣга данка,
 У наручю свое Владисаве. —
 Савкинъ гробъ є осѣнила ружа, 45
 У нъой славуи гиѣздо начинію,
 И надъ гробомъ пѣсме изводію,
 У коима нѣна дыса любовь. —
 Дабраць быо — садъ га више нема.
 На том' мѣсту садъ се жетва плави, 50
 И жетаоци сладке пою пѣсме,
 А дѣца се съ камички играю,
 Кое купе съ нѣговог' останка.
 Градъ се зову тиі останци сада,
 У полю су села *Добринца*, 55
 Гди є Пѣсникъ сунце угледао,
 Гди му живи и отаць и майка,
 Гди му санаць братъ борави вѣчный
 Братъ му *Гавра*, сестра *Олимпія*
 И братучедъ малый Григоріє. 60
 Много пута, као мало дѣте,
 По граду є съ другови ходію,
 И тражію *пильке* за играиѣ.
 Онда ніє знао преповѣсти,
 Кою садъ є свѣту одиѣвао; 65

Ніє знао оно тражит' мѣсто,
 Гди Владиславъ мачъ на отца трже;
 Гди є страшань судъ нѣму изречень;
 Гди є было ненадно вѣнчанѣ;
 Гди є было гробъ съ бодльивымъ триѣмъ; 70
 Гди ли Савка чека да устане!
 Садъ бы, садъ бы све то потражію,
 Сваком' свое мѣсто назначію,
 И живію у прошлом' времену,
 Животъ сладакъ съ тужнымъ споменима. 75
 Онъ неможе, ал' другима дає,
 Своим' дає ужитакъ селякомъ,
 Своме селу спомень изъ старине.
 То му буди невинна захвалность
 За радости оны млады дана 80
 И година беззлобног' дѣтиньства.
 То некъ буде, што ѣе опоменут'
 Селяке му на дальногъ свояка!
 Благій Боже! хоѣе л' ова пѣсма
 Преживити руку писаюѣу? — 85

Рлз Ср II 694. 1

Др. Јованъ Субботићъ.